

Н. А. Копылов

**ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ:
ОТ НЕЙТРАЛИТЕТА К ПРОТИВОСТОЯНИЮ**

События российской революции 1917 года оказали огромное влияние на судьбы народов, стремившихся к обретению собственной государственности. Важным фактором успеха в этом процессе в условиях продолжавшейся в Европе мировой войны стало наличие национальных воинских формирований. В статье освещается проблема участия иностранного славянского формирования — Чехословацкого корпуса — в Первой мировой войне и революционных событиях в России 1917–1918 годов. Анализируются действия Чехословацкого корпуса на основе современных отечественных и зарубежных данных, отмечается своеобразное развитие отношения командования и политического руководства Чехословакии к революционным событиям 1917 года — от нейтралитета до вооруженного сопротивления. В результате заключения Россией мирного соглашения с Центральными державами чехословацкое воинское соединение оказалось в положении заложника внутривосточной обстановки. Вооруженное выступление Чехословацкого корпуса против советской власти произошло при участии представителей союзников, которые рассматривали это выступление как попытку восстановления антигерманского фронта в России. Чешские политические руководители видели в нем гарантию независимости будущей Чехословацкой республики и рассчитывали на преимущества в вопросе об исторических границах Чехословакии на предстоящей мирной конференции в Париже.

Первая мировая война; Российская революция; Чехословацкий корпус; Парижская конференция; Гражданская война в России

Первая мировая война (1914–1918) обострила национальный вопрос в европейских полиэтнических империях. Многие народы видели в этой войне возможность получить как минимум автономию в рамках многонациональных империй, как максимум обрести политическую независимость. События 1917 года, ознаменовавшиеся крушением самодержавия в России, вывели на первый план идеи формирования государственности у народов, входящих в империи Габсбургов и Романовых. Для них с 1917 года ключевым стал вопрос обретения собственной государственности, гарантом успеха в достижении которого был фактор наличия национальных воинских формирований. К этому времени наиболее многочисленным и действовавшим как отдельная воинская часть был формируемый в России Чехословацкий корпус.

Прежде всего следует отметить, что вступление России в Первую мировую войну проживавшие на территории империи чехи и словаки восприняли как начало борьбы против Австро-Венгрии за возрождение самостоятельного чешского государства. Представители чешских и словацких общин выступили с инициативой создания самостоятельного национального вооруженного формирования в составе русской армии. Как отмечает исследователь Е. П. Серапионова, «движение национального возрождения было направлено на то, чтобы в дальнейшем славяне смогли занять достойное положение в семье европейских народов»¹.

Часть чешской политической элиты накануне войны разрабатывала планы действий на стороне Российской империи. 12 (25) апреля 1914 года русский консул в Праге В. Г. Жуковский переслал министру иностранных дел С. Д. Сазонову записку лидера чешской Национально-социалистической партии В. Клофача, в которой прямо говорилось о возможности сотрудничества чехов с русскими властями в случае войны Австро-Венгрии и России и предлагалось «подготовить

---

¹ Серапионова Е. П. Взгляды чешских и словацких политиков начала XX в. на роль России в славянском мире // Славянский альманах. 2007. М. : Индрик, 2008. С. 126.

целый ряд надежных людей в каждом городе и в каждой деревне... на случай наступления русского войска через Силезию и Восточную Моравию»².

В рядах чешского национального движения имелись сторонники и других взглядов. Так, в мае 1914 года из-под пера лидера партии младочехов К. Крамаржа выходит меморандум под названием «Устав Славянской империи». Его основная мысль состояла в создании Славянского союза, включающего Россию, Польшу, Чехию, Болгарию, Сербию, Черногорию. Данное объединение должен был возглавить представитель дома Романовых, имеющий обширнейшие права. В частности, он мог бы утверждать состав имперской Думы и имперского Совета — высших законодательных общесоюзных органов. В решении спорных вопросов приоритет также оставался за царем, общими должны были стать внешняя политика и армия³. Уже во время войны А. Рашин, один из ближайших сотрудников К. Крамаржа, через доверенное лицо передавал русскому осведомителю в Цюрихе, что главным доводом в пользу создания «чешского королевства под державой русской» были те выгоды, которые получают чешские торгово-промышленные круги и чешские аграрии при государственно-таможенном объединении с Россией⁴. Скептически к славянским идеям в целом и к русофильству в частности относился лидер Народной чешской партии доктор Т. Г. Масарик из-за своей прозападной ориентации. Но в любом случае чешские общественные круги смотрели на русскую монархию как на будущего гаранта своей национальной самостоятельности хотя бы в рамках экономического союза. В таких условиях развития чешского вопроса в Габсбургской империи началась Первая мировая война, которая дала толчок к развитию национально-освободительного движения чехов и словаков, прежде всего за границей.

С самого начала Первой мировой войны чехи и словаки оказались в двойственном положении: как славянские народы они были вынуждены воевать на стороне Австро-Венгрии и Германии против своих же братьев-славян. Поэтому их отношение к военным приготовлениям австро-венгерского правительства, о которых было объявлено 18 (31) июля 1914 года, оказалось неоднозначным. По всей стране, включая Прагу, прокатились верноподданнические манифестации в поддержку войны. Но эти демонстрации организовывались властями, хотя действительной поддержки война в чешском обществе не имела. Т. Г. Масарик вспоминал впоследствии: «Призывники шли в армию с отвращением, как на бойню; были случаи неповиновения, отказов, начались преследования»⁵. Однако в целом мобилизация проходила организованно и без задержек.

В России, где проживало около 100 тыс. чехов и словаков, начало войны было встречено с большим энтузиазмом. Организованные к этому времени национальные комитеты заявили о своем объединении и о полной поддержке российской власти. 7 (20) августа 1914 года делегация чешско-словацких объединений была принята Николаем II, одобрившим предложение об организации в составе русской армии воинского подразделения из чехов и словаков — чешской дружины, которая была сформирована к концу сентября 1914 года. В декабре этого же года в Петрограде создается Союз чешско-словацких обществ в России, возглавивший в пределах империи военно-политическое движение за национальную самостоятельность. В мае 1915 года Союзом было провозглашено, что «настоящая война поставила на повестку дня вопрос чешско-словацкого политического единства и независимости»⁶. Одновременно с этим зимой 1915 года в Париже состоялось учредительное собрание Национального совета чешско-словацких общин, который в следующем году был переименован в Чехословацкий национальный совет (ЧНС), ставший основой национального чешского движения за границей. Его возглавил Т. Г. Масарик⁷. Обе эти организации связывало достижение будущей независимости с созданием самостоятельного национального воинского формирования, каким в данный момент являлся создаваемый в России будущий Чехословацкий корпус.

---

² Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. Сер. 3. Т. 2. С. 384.

³ См.: Савваитова М. Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М. : Наука, 1994. С. 114.

⁴ Подробнее о взглядах К. Крамаржа см.: Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М. : Наука, 2006. 510 с.

⁵ Серапионова Е. П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М. : Наука, 2005. Кн. 1. С. 46.

⁶ Серапионова Е. П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны. С. 59.

⁷ См. там же. С. 60.

С одобрения Военного министерства и Совета министров Российской империи был создан проект чешского воинского подразделения и в скором времени была сформирована Чешская дружина, принявшая участие в боях против австро-венгерской армии и превратившаяся к концу 1916 года в Чешско-словацкую стрелковую бригаду.

Однако следует отметить, что ни военные, ни гражданские власти России не стремились придать чешско-словацкому вопросу международный статус. Они даже опасались этого, поскольку в 1914 году еще сохранялась надежда на скорое окончание войны и ломать традиционную международно-политическую систему никто не собирался. Таким образом, принимая решение сформировать в составе русской армии чешский национальный отряд, русские власти рассчитывали использовать его не как военную силу, а как средство пропагандистской (мы сегодня сказали бы — психологической) войны. Главное управление Генерального штаба на это обстоятельство обращало внимание начальника войск Киевского военного округа генерал-лейтенанта Н. А. Ходоровича: «Целью формирования войсковых частей из чехов-добровольцев следует считать поднятие восстания среди чешского населения Австро-Венгрии. Вместе с тем представляется необходимым использовать чешские дружины для создания в пределах Австро-Венгрии благоприятной обстановки для действия наших войск. Указанное назначение чешских дружин, заставляющее смотреть на них не как на боевую часть, а как на собрание пропагандистов в пользу русской армии, естественно, должно повлиять и на уклад внутренней жизни этих частей. Дисциплина в этих частях не может, конечно, быть на том уровне, на котором она стоит в частях, имеющих боевое значение. Чешская дружина должна быть дисциплинирована лишь настолько, чтобы дойти в порядке до театра военных действий. С момента вторжения в австрийские пределы чешская дружина как войсковая часть перестанет существовать. Выделив от себя целую сеть агитаторов, она расплывется среди чешского населения Австро-Венгрии, работая по созданию благоприятной обстановки для наших войск, а также вообще возбуждая чехов к восстанию с оружием в руках против австрийцев»⁸. Именно поэтому по правилам набора добровольцев в Чешскую дружину (такое наименование присвоили этой войсковой части) требовалось присутствие рядом с начальником дружины специального уполномоченного чехословацких обществ, отвечающего за связь между офицерским составом и солдатами-чехами, а на театре военных действий — за агитационную деятельность среди чешского населения.

Вместе с тем верховное командование русской армии понимало риски, связанные с деятельностью Чешской дружины. Оно опасалось, что «широкая поддержка Россией чехословаков в стремлении их провозгласить свою независимость от Австро-Венгрии может создать для названных народностей род миража и в случае неосуществления их заветных мечтаний вызовет чувство горького разочарования и некоторого неудовольствия против России»⁹.

Однако сомнения не мешали выполнению высочайшего повеления о формировании Чешской дружины, которое, как и было запланировано, проводилось в Киеве — городе с более или менее значительным чешским населением. В зависимости от количества добровольцев штаб Киевского военного округа должен был сформировать одну или несколько чешских частей. Но поскольку рядового состава явно не хватало для создания полноценной дружины, выделялись кадровые нижние чины из запасных батальонов округа¹⁰. Офицерский состав набирался из чинов русской службы, причем в составе дружины не менее 1/3 офицеров и нижних чинов должны были быть русскими. Остальные командные должности планировалось замещать чехами-добровольцами, служившими раньше офицерами в иностранных армиях, путем зачисления их на службу на правах офицеров государственного ополчения. Весной 1915 года, во время визита в Ставку, представители Чешского комитета в Киеве обратились с просьбой к Верховному главнокомандующему об установлении среди чинов дружины чешского языка в качестве командного. В ответ начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич объявил: «Принимая во внимание, что чешские добровольческие дружины не являются частями русской армии, Верховный главнокомандующий признал возможным ходатайство удовлетворить»¹¹.

Эти события ускорили процесс превращения национального движения чехов и словаков в России в политическую силу, ставящую своей целью достижение независимости обоих народов от

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 18–20 об.

⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 156.

¹⁰ См.: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 5–8.

¹¹ См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 84–84 об.

Австро-Венгрии. 22 февраля (7 марта) 1915 года в Москве на съезде представителей национального движения был учрежден Союз чехословацких обществ в России (СЧОР) и выбрано его правление, местом пребывания которого стал Петроград. Съезд высказался за создание самостоятельного государства — Чешско-Словацкого королевства, а также национальной армии чехов и словаков¹². В составе Союза была образована военная комиссия под руководством Л. Тучека, В. Вондрака и З. Реймана, на которую была возложена обязанность добиваться формирования национальных чешско-словацких войск в составе русской армии.

К инициативам чехословацких активистов российское правительство отнеслось сдержанно, уклоняясь от обсуждения с ними политических вопросов по существу и тем более воздерживаясь от каких-либо конкретных обещаний. Отчасти это объяснялось неблагоприятным ходом военных действий на австрийском фронте, где начиная с мая 1915 года русские войска после ряда успешных операций лета — осени 1914 года начали терпеть неудачи и были вынуждены оставить часть отвоеванной у австрийцев территории. Повлияли на позицию российского правительства и события международной жизни. Осенью 1915 года в Париже с явного одобрения западных союзников России был образован Чешский заграничный комитет. В его заявлении, опубликованном 14 ноября 1915 года, говорилось о стремлении к созданию независимого от Австро-Венгрии чехословацкого государства. В 1916 году он был переименован в Чехословацкий национальный совет. Председателем его был избран Т. Масарик, заместителем председателя Й. Дюрих, генеральным секретарем Э. Бенеш. Осенью 1916 года в состав Совета вошел М. Штефаник, представлявший словацкое национальное движение. Масарик и его единомышленники исходили из теории так называемого «чехословакизма», считая чехов и словаков двумя «ветвями» единого чехословацкого народа. В своей деятельности ЧНС опирался на Париж, но в то же время располагал так называемыми пропагандистскими канцеляриями в Великобритании, Италии и Швейцарии.

Чехословацкий национальный совет развернул главным образом дипломатическую и пропагандистскую деятельность, направленную на то, чтобы заручиться согласием Антанты на создание после войны независимого чехословацкого государства. С этой же целью он прилагал усилия к созданию чехословацкого войска, которое сражалось бы на стороне союзников против Центральных держав. Еще в августе 1914 года 300 добровольцев из числа чешских и словацких колонистов в Северной Африке вступили во французский Иностранский легион, сформировав роту «Наздар». В мае 1915 года в составе Марокканской дивизии чехи и словаки участвовали в боях близ французского город Аррас (известная наступательная операция союзных войск в Артуа), понеся серьезные потери (42 человека погибли, около 100 ранены). Рота «Наздар» как отдельная боевая единица перестала существовать. Но оставшиеся в живых бойцы и влившиеся в их ряды добровольцы продолжали воевать на различных участках французского фронта. В частности, только в составе Иностранного легиона в мировой войне участвовали около 600 чешских и словацких добровольцев, из которых приблизительно 200 погибли, 300 остались инвалидами¹³.

Параллельно развивалось чехословацкое движение в России. Весной 1916 года в Киеве прошел II съезд СЧОР, в котором приняли участие представители чешских и словацких военнопленных австро-венгерской армии. Военная комиссия СЧОР призвала их вступать в чехословацкие вооруженные формирования, существовавшие в русской армии. Именно на них деятели чехословацкого движения намеревались опереться в борьбе за национальную самостоятельность. Фактически встал вопрос о создании чехословацкой национальной армии, которая должна была служить опорой национальной независимости. Решению этого вопроса была посвящена деятельность военной комиссии СЧОР в течение всего 1916 года. По итогам работы съезда правление СЧОР было перенесено из Петрограда в Киев. Новым председателем был избран В. Вондрак, а военная комиссия была преобразована в военный отдел. Ее руководителем был избран Л. Тучек.

Менее чем через полтора месяца после избрания В. Вондрака председателем правления Союза в Ставку Верховного главнокомандующего был представлен проект формирования чехословацких воинских частей в составе русской армии. Согласно этому документу чехословацкое войско должно было подчиняться непосредственно Верховному

---

¹² См.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1 : Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. М. : Новалис, 2013. С. 14.

¹³ См.: Серапионова Е. П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны. С. 61.

главнокомандующему и начальнику его Штаба. На правление Союза возлагалась ответственность за политическую благонадежность, нравственную безупречность и физическую пригодность зачисляемых в войско лиц¹⁴. Планировалось привлечь в войско на добровольной основе около 20–25 тыс. человек, главным образом из числа находящихся в лагерях военнопленных славян австро-венгерской армии.

Эти предложения не нашли поддержки правительства России. Против привлечения в армию военнопленных выступил министр иностранных дел С. Д. Сазонов, ссылавшийся на то обстоятельство, что много пленных славян заняты на производстве и что их отзыв может сорвать выполнение важных заказов, в том числе и для армии. Со своей стороны Сазонов находил эти предложения политически опасными и подчеркивал, что «в виды нашего правительства не может, однако, входить связать себя какими-либо формальными заявлениями в отношении национальных вождельней чехов, так как никакие политические интересы наши не дают оснований стеснить подобным заявлением нашу свободу действий в будущем»¹⁵.

Вместе с тем опасаясь популярности парижского ЧНС, российское правительство пришло к выводу о необходимости создать в противовес парижскому Совету, возглавляемому Т. Г. Масариком, некий альтернативный центр чехословацкого национального движения в России. Возглавить его было предложено руководителю чешской аграрной партии Й. Дюриху, который являлся заместителем Масарика в ЧНС. Решительно поддержал создание новой национальной организации чехов и словаков министр иностранных дел С. Д. Сазонов. В письме на имя начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева, написанном в феврале 1916 года, он отмечал, что если политические круги Великобритании и Франции не посчитали для себя зазорным вступить в контакт с лидерами чешского и словацкого национального движения, то и России следовало бы установить контакт с влиятельным чешским деятелем. Сазонов полагал, что Й. Дюрих должен работать не с какими-либо организациями русских чехов, а исключительно с русским правительством, чтобы его можно было, если понадобится, противопоставить ЧНС во главе с Масариком¹⁶.

В ноябре 1916 года товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов представил устав новой организации — «Чешско-словацкого народного совета». В состав его руководящего органа предполагалось ввести 13 человек, половину из которых должен был назначить председатель этой организации Й. Дюрих, а половину — чехословацкие национальные общества по согласованию с тремя российскими министерствами — иностранных дел, внутренних дел и военным. Русская общественность с иронией отнеслась к этому чиновничьему проекту, находя его заведомо обреченным на провал. Один из современников прокомментировал его так: «Приехавший снова в Россию Штефаник (лидер словацкого движения, будущий военный министр Чехословакии. — *Н. К.*) напряг все силы, чтобы предотвратить этот совершенно невероятный скандал. Все было тщетно. Передают, будто бы министр иностранных дел, Покровский, сказал Штефанику: “Я знаю, что это свинство, но сделать ничего не могу”»¹⁷.

Следовательно, в 1916 году российские власти пытались выработать свою позицию по чешско-словацкому вопросу. Однако они не смогли придумать ничего лучшего, как попытаться создать в России некий центр чешского освободительного движения, альтернативный парижскому, поддерживаемому западными союзниками. Проект такого центра, спущенный «сверху» и разработанный бюрократическими методами, был заведомо обречен на провал. Революционные события в России в феврале 1917 года только ускорили развязку¹⁸.

Российская революция 1917 года оказала огромное влияние на развитие национального движения западных славян. Прямо или косвенно она открыла перед ними широкие перспективы, о каких его руководящие деятели раньше и мечтать не смели. Двукратная коренная смена власти — в феврале и октябре 1917 года — временно привела к дезорганизации и развалу государственного управления. Это избавило национальные организации западных славян в России от чиновничьего контроля и позволило им на арене российской политики превратиться в относительно

---

¹⁴ См.: Лазаревский В. А. Россия и чехословацкое возрождение : очерк чешско-русских отношений, 1914–1918 гг. Париж : Град Китеж, 1927. С. 42.

¹⁵ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. С. 180.

¹⁶ См.: Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М. : Наука, 1965. С. 47.

¹⁷ Лебедев В. И. Чехословацкая политика царского правительства. Неизвестные документы из царского архива // Воля России. Прага, 1924. № 8–9. С. 225.

¹⁸ См.: Савваитова М. Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны. С. 126.

самостоятельную силу, расставляющую приоритеты в соответствии со своими целями и задачами. Вместе с тем военный коллапс России, вынужденной в марте 1918 года заключить сепаратный мир с государствами Четверного союза, придал национальному вопросу мировой политики, прежде всего вопросу о создании западными славянами национальных государств, еще большее значение, чем прежде.

В апреле 1917 года министр иностранных дел П. Н. Миллюков и Военное министерство при непосредственном контроле со стороны французской военной миссии утвердили правила формирования чехословацких войск в России, тем самым положив начало формированию самостоятельных национальных вооруженных сил. В мае 1917 года чехословацкие общества в России признали верховенство над собой парижского Национального совета во главе с Т. Г. Масариком на правах его Отделения, определив главенствующей целью своей деятельности борьбу за провозглашение независимой Чехословацкой республики.

В ходе июньского 1917 года наступления русской армии 1-я Чешско-словацкая бригада отличилась в сражении за город Зборов, где практически одна сдерживала натиск австро-германских войск. «Чехословаки показали чудеса храбрости и покрыли свои молодые знамена неуязвимой славой. Боем у Зборова они смыли свое рабство и получили полное право на свободу»¹⁹. Заслуги чехов и словаков признавал и главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А. А. Брусилов, отмечавший, что посылал чехов в «самые опасные и трудные места и они всегда блестяще выполняли возлагавшиеся на нее (Чешскую дружину. — *Н. К.*) задачи»²⁰.

С этого момента начинается процесс развертывания стрелковой бригады в 1-ю дивизию и формирование новой 2-й Чехословацкой стрелковой дивизии. Местом размещения подразделений корпуса стал Киев и территория Киевского военного округа, где в течение войны размещались отделы чехословацких воинских частей. Таким образом, к октябрю 1917 года был сформирован Чехословацкий стрелковый корпус, насчитывавший около 38–40 тысяч человек. Надо отметить, что к этому времени чехи и словаки сражались в составе французской, итальянской, британской и американской армий, но ни в одной из них не удалось создать отдельного национального формирования, поэтому Чехословацкий национальный совет рассматривает корпус как основу будущей армии независимой республики, что во многом предопределило действия руководства Совета и командования корпуса в последующий период.

После 25 октября 1917 года по решению Т. Г. Масарика корпус и ОЧСНС занимают позицию нейтралитета к происходящим в России событиям. Этому, по мнению чехословацкого руководства в лице сподвижника Масарика и будущего министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша, способствовало несколько факторов.

Во-первых, чешские лидеры, офицеры и солдаты корпуса начали разочаровываться в действиях Временного правительства, приводящих к углублению социально-политического кризиса в стране. Стремительная потеря боеспособности русской армии в 1917 году и очевидность неспособности российского политического и военного руководства к продолжению войны заставляли Масарика и его сторонников искать поддержку среди государств Антанты.

Во-вторых, начало мирных переговоров с Германией и Австро-Венгрией в Брест-Литовске, а затем подписание мирного договора демонстрировали, с точки зрения чехов, бесполезность дальнейшей ориентации на теперь уже Советскую Россию. Такой поворот в войне укреплял позиции Центральных держав и делал проблематичным достижение цели, к которой стремился Чехословацкий национальный совет — восстановление независимого чехословацкого государства.

Наконец, в-третьих, следует учитывать социалистическую ориентацию чехословацкого руководства, не принимавшего идею любой диктатуры как таковой, тем более провозглашенную большевиками идею диктатуры пролетариата и методу ее осуществления. По словам Э. Бенеша, солдаты корпуса не видели «большого различия между диктатурой царя, его приспешников и всего дворянского сословия и диктатурой одной партии, которая в конце концов своей численностью не превышала аристократически-буржуазного сословия, господствовавшего в России до революции»²¹. К вышесказанному следует добавить, что приглашения противников революции примкнуть к антибольшевистскому лагерю заставляли Масарика и его сподвижников обращать внимание на общий ход военно-политической борьбы, в которой противники большевиков пока не могли

¹⁹ Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж ; Прага, 1928. С. 32.

²⁰ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. : ОЛМА-Пресс, 2004. С. 145.

²¹ Бенеш Э. Смысл чешской революции // Воля России. Прага, 1923. № 8–9. С. 17.

добиться успеха. Это показали киевские события конца октября 1917 года с участием сводного отряда 1-й Гуситской стрелковой чехословацкой дивизии. Уличные бои выявили неспособность русского командования отстоять свои позиции против организованного большевиками восстания. По словам современника, события продемонстрировали «всеобщее безразличие, недоверие и уверенность в том, что тогдашняя русская организация была неспособна спасти положение»²². В декабре 1917 года, по соглашению с французским высшим военным руководством Чехословацкий корпус формально вошел в состав армии Третьей республики и объявил главной своей целью борьбу против германской и австрийской агрессии. Данный факт многие советские и современные исследователи трактуют как полное подчинение командования корпуса французским приказам и распоряжениям: «На момент своего выступления Чехословацкий легион был частью вооруженных сил государства Французская республика»²³. Однако это совершенно не соответствовало истинному положению дел: высшее руководство по-прежнему осуществлял Чехословацкий национальный совет, а точнее его Отделение в России, которое вело переговоры с большевиками о выводе корпуса из страны. «Союзническое правительство признавало Национальный совет политическим органом нашего движения, а потому в военном отношении верховным командованием войска. Или, выражаясь иначе, наше войско было хотя и частью союзнической армии, однако оно было и войском автономным, подчиненным Национальному совету», — отмечал в своих работах Т. Г. Масарик²⁴. Поэтому ставить чехословацкое командование в полную зависимость от французской военной миссии в России, как это делается в современной исторической литературе, было бы неверно.

Все вышеприведенные факторы определили позицию нейтралитета и стремление ЧНС и командования корпуса покинуть пределы России. Однако дальнейшая эскалация событий привела к вооруженному выступлению солдат и офицеров Чехословацкого корпуса против советской власти и к их участию в Гражданской войне. Проблема столь резкого изменения политического курса во многом заставляет обратиться к сравнительному анализу отечественных и зарубежных источников, в первую очередь чешских, поскольку в настоящее время в отечественной историографии по-прежнему прослеживается доминанта оценок действий личного состава корпуса с позиций «контрреволюционной» деятельности его командования.

Вступление в силу основных положений Брест-Литовского мирного договора 15 марта 1918 года вынудило чешское руководство вывести состав своих войск с территории Украины, где они до этого размещались. Данный факт отнюдь не способствовал доверительному отношению чехословацких солдат и офицеров к советской власти, заключившей мир с противниками будущей независимой Чехословакии. Также заключение мира противники большевиков использовали для разворачивания среди чехословаков агитационной кампании о намерении Советского правительства расформировать и разоружить чехословацкие части, а затем передать их личный состав австрийской и германской сторонам в порядке обмена военнопленными. Это не могло не беспокоить чешских солдат, так как в случае выдачи им грозила смертная казнь за нарушение воинской присяги. Подобные слухи во многом были беспочвенны, Советское правительство не предполагало использовать части Чехословацкого корпуса в своих интересах. Однако следует отметить, что вопрос о судьбе чехословацких формирований в России обсуждался в ходе мирных переговоров в Бресте и стал объектом пристального внимания и политического давления со стороны германского посольства.

Март 1918 года оказался самым напряженным с точки зрения военной дипломатии. Именно этот период предопределил развитие дальнейших событий. В своих воспоминаниях известный дипломат и сотрудник британской разведки Роберт Брюс Локкарт отмечал: «...период, когда большевики могли скорее всего пойти на соглашение с союзниками, был март 1918 года. Они боялись дальнейшего германского наступления. У них было мало веры в собственное будущее. Они бы приветствовали помощь офицеров союзных держав в воспитании новой Красной армии, которую тогда формировал Троцкий»²⁵. Действительно, в тот момент дипломаты и главы военных миссий Антанты в России рассматривали вариант воссоздания Восточного фронта,

---

²² Бенеш Э. Смысл чешской революции. С. 18.

²³ Волков Е. В. Дневник С. Н. Войцеховского: новые штрихи к выступлению Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург : Белая Россия, 2001. № 9. С. 110.

²⁴ Масарик Т. Г. Мировая революция. Т. 2 : Воспоминания. Прага, 1926. С. 88.

²⁵ Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М. : Алгоритм, 2017. С. 262.

опасаясь германской интервенции, и предлагали Советскому правительству союзную помощь. Однако ратификация Брест-Литовского мирного договора Советским правительством, означавшая полный выход России из войны, заставила французский и британский дипломатические корпуса прервать все официальные отношения с большевиками и покинуть страну. Выступая в палате депутатов, премьер-министр Ж. Клемансо заявил: «Россия нас предала, но я продолжаю войну»²⁶. Ситуацию усугубило германское наступление на Западном фронте, начавшееся 21 марта 1918 года. Теперь союзное командование нуждалось в дополнительных резервах, роль которых мог сыграть имевший достаточный боевой опыт Чехословацкий корпус. 26 марта 1918 года Советское правительство в ответ на запросы со стороны чехословацкого и союзного командования приняло решение о выводе чехословацкого войска из России во Францию.

Однако не следует забывать, что Германия, стремясь в это время всеми силами нанести союзникам сокрушительный удар на Западном фронте, вовсе не хотела увидеть чехословацких легионеров в рядах противников. Германские дипломаты всеми силами старались задержать и даже сорвать продвижение чехословацких войск на Восток. С прибытием в Москву германского посла графа В. фон Мирбаха колебаниям Советского правительства был положен конец. Р. Локкарт отметил, что после появления немецкого посольства «перспективы войны между Германией и Россией стали отдаляться... С начала мая ленинская мирная политика взяла верх даже среди тех большевиков, которые больше других протестовали против Брест-Литовского мира»²⁷. С этого момента принимаются два совершенно противоположных решения, которые превратят чехословацких легионеров в своеобразных «заложников положения». Советское правительство окончательно определяет Владивосток конечным пунктом назначения чехословацких эшелонов, что отдаляет время появления легионеров на Западном фронте. При этом от чехословаков потребовали полного разоружения и немедленного устранения «контрреволюционного командного состава». Находящийся в России филиал Чехословацкого национального совета не принял этих требований. Опасаясь возможности вооруженного конфликта на территории Центральной России, Совет народных комиссаров вынужден был пойти на уступки и передал через наркома по делам национальностей И. В. Сталина новые условия: «чехословаки передвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров» (на 1000 человек 100 винтовок и 1 пулемет). На места, где располагались чехословацкие части, а также в пункты, через которые должны были следовать их эшелоны, была разослана директива с требованием «разоружить чехословаков во что бы то ни стало»²⁸. Такие действия со стороны правительства Советской России вызвали недовольство чехословацкого руководства отношением к себе и к своим проблемам. И это недовольство с течением времени все нарастало.

В это же время под явным давлением со стороны посла Германии начинается процесс перевозки немецких и австро-венгерских пленных из Сибири. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин отправил 21 апреля 1918 года телеграмму: «Опасаясь японского наступления в Сибири, Германия настоятельно требует немедленного и скорейшего проведения эвакуации германских пленных из Восточной Сибири в Западную или Европейскую Россию. Просим принять все меры. Чехословацкие войска не должны продвигаться на восток»²⁹. С этого момента темп продвижения чешских эшелонов по Транссибирской железной дороге замедлился, эшелоны попадали в «пробки», по несколько суток простаивали почти на каждой станции. Положение осложнялось еще и тем, что задержку в дороге местные советские власти мотивировали отсутствием паровозов и вагонов, в то время как легионеры видели, что их противников — германских, австрийских и мадьярских пленных солдат — вывозят из Сибири в Европу в тех самых составах, которых они сами не получили. Кроме того, факт участия многих немцев и мадьяр в интернациональных отрядах, ставших опорой советской власти на местах, во многом внушал легионерам недоверие к большевикам. Эту ситуацию очень хорошо иллюстрируют отрывки из дневника подполковника С. Н. Войцеховского, командира 3-го стрелкового имени Яна Жижки полка: «Вчера наш комиссар показал мне телеграмму из Москвы: немцы боятся наступления японцев и требуют скорейшей эвакуации из Восточной Сибири своих военнопленных: движение наших эшелонов на восток

---

²⁶ Вершинин А. А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков // Новая и новейшая история. М., 2017. № 5. С. 146.

²⁷ Локкарт Р. Агония Российской империи. С. 268.

²⁸ Иванов А. В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая армия. Белое дело. С. 9.

²⁹ Цветков В. Ж. Мятёж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. М., 2001. № 6. С. 58.

распоряжением советских властей остановлено. Мне начинает казаться, что мы не попадем во Владивосток»³⁰. Как дальше пишет С. Н. Войцеховский, 1 мая 1918 года чехословацкие легионеры, среди которых было немало сторонников социал-демократических идей, решили отметить праздник трудящихся и совершить мирное шествие по улицам города Челябинска с музыкой и песнями. Однако местные советские руководители не дали разрешения, мотивируя свой отказ тем, что чехи планировали выйти отдельной колонной, а не совместно с советскими властями. Это вызвало еще большее неприятие большевиков со стороны солдат и офицеров чешского войска.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в мае 1918 года Чехословацкий корпус находился в положении «между молотом и наковальней». Растянувшиеся в эшелонах вдоль Транссибирской магистрали от Владивостока до Пензы, частично разоруженные, постоянно подвергавшиеся нападкам со стороны сибирских Советов, легионеры желали только одного — выехать из России и идти к этой цели готовы уже были любыми путями. Однако Советское руководство, контролируемое германской стороной, всеми силами стремилось замедлить процесс передвижения чехословацких эшелонов. Кроме того, в мае 1918 года ухудшилось положение на Западном фронте — германские войска провели удачное наступление в районе реки Эн. Было ясно, что надежды союзников на восстановление Восточного антигерманского фронта и на чехословацкие резервы не оправдались: Германия слишком крепко держала Россию в орбите своего влияния, и любая ее попытка вырваться была бы самоубийственной для большевистского режима, не имевшего серьезных сил для сопротивления. Правящие круги Антанты в сложившихся условиях изменили политическую ориентацию и перешли к поиску сил, способных уничтожить большевиков и имевших при этом антигерманскую направленность. Для этих целей очень подходил Чехословацкий корпус. Британская и французская военные миссии в Москве установили связи с представителями Чехословацкого национального совета и вскоре передали им значительную сумму денег (около 15 млн руб.). Финансовая помощь и политическое обещание помощи в обретении независимости чехословацким государством ставились в прямую зависимость от участия чехословацких войск в интервенции в России³¹. Однако прямого решения о выступлении корпуса против советской власти так и не было принято, так как связь с французской военной миссией в России была слабой, а Отделение Чехословацкого национального совета старалось всеми силами избежать конфликта с большевиками.

14 мая 1918 года в Челябинске произошло столкновение чешских солдат с немецкими и мадьярскими военнопленными, в ходе которого легионеры разогнали местный Совет. Данный инцидент привел к тому, что в Москве руководство Отделения Чехословацкого национального совета во время переговоров с Совнаркомом было арестовано и большевики приняли решение приступить к разоружению частей легиона. Нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий выслал распоряжение о немедленном и полном разоружении корпуса, уточнив, что в противном случае чехословацкие солдаты объявляются «вне закона». Это стало поводом для столкновений чешских солдат с представителями местных Советов, которые стихийно переросли в выступление против большевистской власти. Таким образом чехословаки попали в огонь Гражданской войны в России. Они приняли участие в боях в Поволжье и Сибири, сражаясь против отрядов Красной гвардии и воевавших на стороне большевиков мадьяр и немцев.

Исследуя эти события, можно прийти к выводу: Чехословацкий корпус в России стал заложником, с одной стороны, стран Антанты и Германии, а с другой — большевиков. Оказавшись в такой сложной ситуации, легионеры имели два реальных выхода из сложившегося положения: либо выполнять распоряжения союзного руководства, то есть начать боевые действия против Советов и тем самым не потерять надежду в будущем вернуться на родину, либо подчиняться директивам Москвы о разоружении и вступлении в качестве интернационалистов в ряды Красной гвардии. Оба эти варианта вовлекали чехословаков по воле обстоятельств в Гражданскую войну на просторах России.

Однако ситуация изменилась осенью 1918 года, когда успешные военные операции большевиков в Поволжье совпали с наступлением союзников на Западном фронте, которое закончилось капитуляцией Австро-Венгрии и поражением Германии. Неудачи на фронте и известия о победе Антанты, а также провозглашение 28 октября 1918 года независимости Чехословакии способствовали падению боеспособности среди чехословацких солдат в России.

---

³⁰ Волков Е. В. Дневник С. Н. Войцеховского: новые штрихи к выступлению Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. С. 91.

³¹ Иванов А. В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. С. 14.

Руководители новой республики отдавали себе отчет о тяжелом положении Чехословацкого корпуса на антибольшевистском фронте в конце 1918 года, однако они готовы были использовать своих легионеров для достижения выгодных политических целей. Это проявилось уже в директиве от 17 октября 1918 года, в которой президент Т. Г. Масарик констатировал, что «нашей главной задачей является сохранение жизни наших парней, но отступление через Урал должно быть нашим последним шагом... Благодаря присутствию (в России. — *Н. К.*) у нас будет сильнейшая позиция во время мирных переговоров»³².

Т. Г. Масарик и министр иностранных дел Э. Бенеш полагали, что дальнейшее пребывание Чехословацкого корпуса в России может оказаться весьма полезным для максимально благоприятного решения чехословацкого вопроса. Об этом свидетельствовали ноты премьер-министров союзных государств — Франции Жоржа Клемансо и Великобритании Дэвида Ллойд Джорджа, в которых оба выразили Масарику благодарность за участие чехословацких войск в борьбе с большевизмом в Сибири. Опираясь на этот факт, политики хотели получить максимум в вопросе об исторических границах Чехословакии на предстоящей мирной конференции в Париже.

Факт пребывания Чехословацкого корпуса в России Э. Бенеш использовал как самый веский аргумент, когда летом 1918 года он старался представить чехословацкие власти официальным представителем чешского и словацкого народов, а чехословацкие войска — союзной армией. Почти точно так же в ходе Парижской конференции чехословацкий министр иностранных дел старался представить необходимость и роль чехословацких войск в приостановлении наступления большевиков на востоке России. К тому же чешские политики учитывали, что после завершения Парижской конференции интервенция в России должна была стать для главных мировых держав одной из доминирующих тем в политико-дипломатических играх.

28 июня 1919 года был подписан Версальский договор. Последовательное использование в дипломатической игре «сибирской карты» в то время, когда западные политики полагали, что с помощью чехословацких легионов — главной военной силы в Сибири — удастся восстановить демократическую Россию, принесло ощутимую выгоду чехословацкой стороне в виде принятия западными державами почти всех ее требований относительно границ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусилов А. А. Мои воспоминания. — М. : ОЛМА-Пресс Звездный мир, 2004. — 448 с.
2. Бенеш Э. Смысл чешской революции // Воля России. — Прага, 1923. — № 8–9. — С. 16–37.
3. Вершинин А. А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков // Новая и новейшая история. — М., 2017. — № 5. — С. 126–148.
4. Висьневский Я. Чехословацкий военный корпус в Сибири во время Парижской мирной конференции 1919 г. // Чичеринские чтения. Россия и мир после окончания Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). — Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2009. — С. 132–138.
5. Волков Е. В. Дневник С. Н. Войцеховского: новые штрихи к выступлению Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. // Белая армия. Белое дело. — Екатеринбург : Белая Россия, 2001. — № 9. — С. 90–94.
6. Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. — Париж ; Прага, 1928. — 221 с.
7. Иванов А. В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая армия. Белое дело. — Екатеринбург : Белая Россия, 1997. — № 4. — С. 7–23.
8. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. — М. : Наука, 1965. — 393 с.
9. Лазаревский В. А. Россия и чехословацкое возрождение : очерк чешско-русских отношений, 1914–1918 гг. — Париж : Град Китеж, 1927. — 175 с.
10. Лебедев Вл. Чехословацкая политика царского правительства. Неизвестные документы из царского архива // Воля России. — Прага, 1924. — № 8–9. — С. 209–227.
11. Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. — М. : Алгоритм, 2017. — 368 с.
12. Масарик Т. Г. Мировая революция. Т. 2 : Воспоминания. — Прага, 1926. — 391 с.
13. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. 1878–1917 гг. — М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. — Сер. 3 : 1914–1917 гг. — Т. 2. — 559 с.

---

³² Висьневский Я. Чехословацкий военный корпус в Сибири во время Парижской мирной конференции 1919 г. // Чичеринские чтения. Россия и мир после окончания Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2009. С. 135.

14. Савваитова М. Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. — М. : Наука, 1994. — С. 113–126.
15. Серапионова Е. П. Взгляды чешских и словацких политиков начала XX в. на роль России в славянском мире // Славянский альманах. 2007. — М. : Индрик, 2008. — С. 126–132.
16. Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия, 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М. : Наука, 2006. 510 с.
17. Серапионова Е. П. Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. — М. : Наука, 2005. — Кн. 1. — 456 с.
18. Соколов Б. Л. К вопросу о характере участия чехословацких войск в иностранной военной интервенции и Гражданской войне в России в 1918–1920 гг. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ / ред. А. О. Чубарьян. — М. : Наука, 2015. — С. 82–112.
19. Цветков В. Ж. Мятаж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. — М., 2001. — № 6. — С. 55–61.
20. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус, 1914–1920 : документы и материалы. — Т. 1 : Чешско-словацкие воинские формирования в России, 1914–1917 гг. — М. : Новалис, 2013. — 1016 с.

Сведения об авторе

Копылов Николай Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел России, г. Москва.

Сфера научных интересов: военная история России, Россия в Первой мировой войне, Гражданская война в России.

Контактная информация: электронный адрес: n-kopylov@mail.ru

N. A. Kopylov

**THE CZECHOSLOVAK CORPS IN WORLD WAR I
AND THE RUSSIAN REVOLUTION:
FROM NEUTRALITY TO CONFRONTATION**

The events of the Russian Revolution of 1917 had a great impact on the fates of people attempting to gain nationhood. National military formations served as an important prerequisite for success in the conditions of a global conflict fought in Europe. The article focuses on the role of the Czechoslovak Corps in World War I and the Russian Revolution of 1917–1918. It analyzes the actions of the Czechoslovak Corps through the prism of modern data gathered by Russian and foreign researchers. The author focuses on the development of the attitude of Czech military officials and political forces to the revolutionary events of 1917, which changed from neutrality to armed confrontation. As a result of a truce between Russia and world powers, the Czechoslovak Corps felt extremely vulnerable. The military actions of Czechoslovak Corps aimed against the Soviet State were supported by allied forces, which viewed the campaign as an attempt to reset an anti-German front in Russia. Czech political leaders viewed this opportunity as a guarantee of Czechoslovak independence and hoped to have advantages when discussing the issue of historical boundaries of Czechoslovakia at the Peace Conference to be held in Paris.

World War I; Russian Revolution; Czechoslovak Corps; Paris Peace Conference; Russian Civil War

REFERENCES

1. Brusilov A. A. *Moi vospominaniya* [My Memoirs]. Moscow, OLMA-Press Publ., 2004, 448 p. (In Russian).
2. Benesh Je. The Meaning of Czech Revolution. *Volja Rossii* [Russian Will]. Prague, 1923, no. 8–9, pp. 16–37. (In Russian).
3. Verzhinin A. A. The Russian Revolution of 1917 as Viewed by French Politicians. *Novaja i novejsaja istorija* [New and Modern History]. Moscow, 2017, no. 5, pp. 126–148. (In Russian).
4. Vis'nevskij Ja. Czechoslovak Corps in Siberia during the Paris Peace Conference of 1919. *Chicherinskie chtenija. Rossija i mir posle okonchaniya Pervoj mirovoj vojny (k 90-letiju okonchaniya vojny i podpisaniya poslevoennyh soglashenij)* [Chicherin's Readings. Russia and the World after World War I (Commemorating the 90th Anniversary of the End of World War I and Post-war Treaties)]. Tambov, Tambov State University Publ., 2009, pp. 132–138. (In Russian).

5. Volkov E. V. S. N. Voytzechovsky's Journal: Unveiling New Facts of Czechoslovak Corps' Campaign of May 1918. *Belaja armija. Beloe delo* [White Army. White Deeds]. Yekaterinburg, White Russia Publ., 2001, no. 9, pp. 90–94. (In Russian).
6. Dragomireckij V. S. *Chehoslovaki v Rossii. 1914–1920* [Czechs in Russia. 1914–1920]. Paris, Prague Publ., 1928, 221 p. (In Russian).
7. Ivanov A. V. Considering the Causes of Czechoslovak Corps' Anti-soviet Campaign in 1918. *Belaja armija. Beloe delo* [White Army. White Deeds]. Yekaterinburg, White Russia Publ., 1997, no. 4, pp. 7–23. (In Russian).
8. Klevanskij A. H. *Chehoslovackie internacionalisty i prodannyj korpus. Chehoslovackie politicheskie organizacii i voinskie formirovanija v Rossii. 1914–1921 gody* [Czech Internationalists and the Sold Corps. Czech Political and Military Organization in Russia. 1914–1921]. Moscow, Science Publ., 1965, 393 p. (In Russian).
9. Lazarevskij V. A. *Rossija i chehoslovackoe vozrozhdenie: ocherk cheshsko-russkih otnoshenij, 1914–1918 gody* [Russia and Czech Restoration: Some Sketches on Czech-Russian Relations, 1914–1918]. Paris, Grad Kitez Publ., 1927, 175 p. (In Russian).
10. Lebedev VI. Czech-Related Policy of the Tsar's Government. Unknown Documents of the Royal Archive. *Volja Rossii* [Russian Will]. Prague, 1924, no. 8–9, pp. 209–227. (In Russian).
11. Lokkart R. *Agonija Rossijskoj imperii. Vospominanija oficera britanskoj razvedki* [The Agony of the Russian Empire. Memoirs of a British Intelligence Officer]. Moscow, Algorithm Publ., 2017, 368 p. (In Russian).
12. Masarik T. G. *Mirovaja revoljucija. Tom 2: Vospominanija* [World Revolution. Vol. 2. Memoirs]. Prague, 1926, 391 p. (In Russian).
13. *Mezhdunarodnye otnoshenija v jepohu imperializma. Dokumenty iz arhivov carskogo i Vremennogo pravitel'stva. 1878–1917 gody* [International Relations in the Epoch of Imperialism. Documents of the Royal Archive and the Archive of the Provisional Government. 1878–1917]. Moscow, Leningrad, State Social Economy Publ., 1933, series 3: 1914–1917, vol. 2, 559 p. (In Russian).
14. Savvaitova M. D. Czech Issues as Viewed by Russian Officials during World War I. *Pervaja mirovaja vojna. Diskussionnye problemy istorii* [World War I. Controversial Issues of History]. Moscow, Science Publ., 1994, pp. 113–126. (In Russian).
15. Serapionova E. P. Czech and Slovak Politicians of the 20th Century on the Role of Russia in the Slavic World. *Slavjanskij al'manah. 2007* [Slavic Almanac. 2007]. Moscow, Indrik Publ., 2008, pp. 126–132. (In Russian).
16. Serapionova E. P. *Karel Kramarzh i Rossija, 1890–1937 gody: idejnye vozzrenija, politicheskaja aktivnost', svjazi s rossijskimi gosudarstvennymi i obshhestvennymi dejateljami* [Karel Kramář and Russia, 1890–1937: Views, Political Activity, Relations with Russian State and Public Officials]. Moscow, Science Publ., 2006, 510 p. (In Russian).
17. Serapionova E. P. Czechs and Slovaks in the Furnace of World War I. *Cehija i Slovakija v XX veke* [Czech Republic and Slovakia in the 20th Century]. Moscow, Science Publ., 2005, book 1, 456 p. (In Russian).
18. Sokolov B. L. The Role of Czech Armed Forces in the Foreign Military Intervention and Civil War in Russia in 1918–1920. Chubar'an A. O. (ed.). *Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG* [The Space of History. History of CIS Countries]. Moscow, Science Publ., 2015, pp. 82–112. (In Russian).
19. Cvetkov V. Zh. Rebellion. Czechoslovak Corps in the Russian Civil War. *Rodina* [Motherland]. Moscow, 2001, no. 6, pp. 55–61. (In Russian).
20. *Cheshsko-Slovackij (Chehoslovackij) korpus, 1914–1920: dokumenty i materialy. Tom 1: Cheshsko-slovackie voinskie formirovanija v Rossii, 1914–1917 gody* [Czechoslovak Corps, 1914–1920: Documents and Materials. Vol. 1: Czechoslovak Armed Forces in Russia, 1914–1917]. Moscow, Novalis Publ., 2013, 1016 p. (In Russian).

Information about the author

Kopylov Nikolay Aleksandrovich — Candidate of History, Associate Professor in the Department of World and Russian History at Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

Research interests: Russian military history, Russia in World War I, Russian Civil War.

Contact information: e-mail: n-kopylov@mail.ru

Поступила в редакцию 18.01.2019

Received 18.01.2019